

ОБРАЗ ПЕТРА I НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОК» В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

О. С. Кругликова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 15 сентября 2020 г.

Аннотация: в статье¹ на основе анализа интерпретаций образа Петра I, данных в публикациях журнала «Современник» в 1855–1866 гг., делается вывод о том, что трактовка образа первого русского императора была во многом обусловлена общей исторической концепцией редакции журнала, провозглашавшей главной движущей силой истории народы, а не государства и не отдельные личности.

Ключевые слова: Петр I, историческая память, «Современник», Н. А. Добролюбов, В. Г. Белинский.

Abstract: the article analyzes the interpretations of the image of Peter I, presented in the publications of the journal "Sovremennik" in 1855–1866. It is concluded that the journalists interpreted the image of the first Russian emperor following the general historical concept of the magazine's editorial board, which proclaimed peoples as the main driving force of history, not states and not individuals.

Keywords: Peter I, historical memory, "Sovremennik", N. A. Dobrolyubov, V. G. Belinsky.

Изучение различных интерпретаций образа Петра Великого в изданиях XIX в. представляется актуальным и важным, а принципиальное значение для такого изучения имеет обращение к материалам журнала «Современник» как одного из наиболее влиятельных изданий пореформенной России. Очевидно, что позиция «Современника» в отношении исторической роли Петра I проистекала из журнальной полемики 1830–40-х гг. и во многом опиралась на взгляды В. Г. Белинского, но первые годы правления Александра II, которые С. А. Венгеров назвал «медовым месяцем русского прогресса», предоставляли журнальному диалогу куда больше широты и свободы, чем николаевское время, так что позиции полемистов именно в 1860-е гг. развились полнее и обозначались четко и ясно [1, 46]. Кроме того, именно в это время происходит интенсивное развитие русской исторической науки, в том числе становление историографии петровской эпохи, находившее живой отклик на страницах периодики, что повлияло на определение хронологических рамок исследования.

Важность осмысления роли Петра Великого, которого Белинский, по словам К. Д. Кавелина, «боготворил» [2, 177], была обозначена идейным лидером «Современника» еще в конце 1840-х гг. Как вспоминал И. И. Панаев, «Белинский глубоко благоговел перед реформой Петра I и оправдывал ее во всех ее

крайностях» [2, 259]. Столь же однозначной представлялась позиция Белинского и И. С. Тургеневу: «Он верил, что нам нет другого спасения, как идти по пути, указанному нам Петром Великим, на которого славянофилы бросали тогда свои отборные перуны» [2, 500].

Однако журнальные выступления самого Белинского в его зрелый период свидетельствуют о том, что его взгляд на деятельность Петра не был односторонним и категоричным. Признавая, что «все, что ни есть в современной России живого, прекрасного и разумного... есть результат реформы Петра Великого», критик при этом не отрицал, что и в отношении славянофилов к русскому европеизму есть много в корне верного, соглашался и тем, что отсутствие нравственного единства в русской жизни «делает нас какими-то междоумками, которые хорошо умеют мыслить по-французски, по-немецки и по-английски, но никак не умеют мыслить по-русски; и что причина всего этого в реформе Петра Великого» [3, 651]. Однако для Белинского было принципиально важно, что «нельзя остановиться на признании справедливости какого бы то ни было факта, а должно исследовать его причины в надежде в самом зле найти и средства к выходу из него» [3, 651–652]. Поэтому он остро сознавал важность глубокой разработки исторического материала петровской эпохи, и не раз повторял своим соратникам: «Пишите скорее его историю... пройдет сто лет, никто не поверит, что Петр не миф, а историческая действительность» [2, 177].

Таким образом, Белинский обозначил две основных тенденции дальнейшего развития позиции «Современника» в этом вопросе: во-первых, обобщенно

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-42018.

позитивное отношение к реформе Петра, т.е. признание, что благотворные стороны окупали с лихвой ее негативные последствия, во-вторых — стремление к кропотливому и ответственному собиранию и обнародованию исторических материалов петровской эпохи. В «Современнике» шла постоянная работа по публикации различных документов, относящихся к истории петровского времени: материалы о положении женщин на Руси до Петра, о состоянии русской артиллерии в петровскую эпоху, о процессе коронации императора и т.д. на протяжении первого десятилетия издания постоянно встречаются на страницах журнала [4]. При этом особенный акцент журнал делает на том, какое огромное значение имеют документы личного происхождения, отражающие частности, например, в 6 номере за 1850 г. «Современник» публикует воспоминания очевидца о похоронах старшего брата Петра царя Федора Алексеевича, от редакции подчеркивается, что хотя в описываемой церемонии Петр является второстепенным персонажем, но тем не менее это частный документ для создания истории Петра имеет существенное значение, поскольку характеризует личность и внутренние переживания юного царевича.

Важно отметить, что публицисты журнала понимали неготовность современной им исторической науки и тем более публицистики дать всестороннюю глубокую оценку деяний Петра. Многочисленные публикации, с одной стороны, фиксировали исторические факты, запечатлевая эпоху преобразований в полноте ее величия, с другой — размышляли положительную характеристику Петра, открывая неприглядные стороны его царствования и черты личности. В сочетании с растущей критикой со стороны славянофильского направления эта публикационная активность привела к тому, что М. Н. Погодину на страницах «Русского вестника» пришлось констатировать, что «Слава, как луна, имеет свои фазы. Слава Петрова находится ныне в ущербе: многие вновь открытые документы из архивов тайной канцелярии бросили в последнее время мрачную тень на его личный характер, а пробуждающееся народное сознание преисполняется в некоторых негодованием на него за насильственное подчинение России иностранному, европейскому влиянию... Точно, по делам тайной канцелярии Петр является часто лицом, возбуждающим ужас и отвращение, — но разве всю свою жизнь проводил он в селе Преображенском и Петропавловской крепости? Не угодно ли безусловным его обвинителям прогуляться по России? И в Архангельске, Воронеже, Кронштадте, Переяславле, Астрахани, Нарве, Азове, Дербенте, Полтаве — на всяком почти шагу в России бросятся им в глаза следы Петровой деятельности другого рода» [6, 699].

Пожалуй, наибольший накал полемики вызывали не публикации отдельных документов и источников, а первые попытки систематизации их, особенно та-

кой масштабный труд, как «История Петра Великого» Н. Г. Устрялова. В течение 1858–1863 гг. увидели свет пять томов этого исторического сочинения и три тома приложений. Все это время каждый новый том провоцировал новый виток полемики.

На страницах «Современника» откликнулся на труд Устрялова Н. А. Добролюбов. В трех статьях, продолжающих друг друга, критик дал не только развернутую оценку труда историка, но и многократно повторил панегирическую характеристику царя-преобразователя: «Да, Петр разрешил вопросы, давно уже заданные правительству самую жизнью народной, — вот его значение, вот его заслуги. Напрасно приверженцы старой Руси утверждают, что то, что внесено в нашу жизнь Петром, было совершенно несообразно с ходом исторического развития русского народа и противно народным интересам. Обширные преобразования, противные народному характеру и естественному ходу истории, если и удаются на первый раз, то не бывают прочны. Преобразования же Петра давно уже сделались у нас достоянием народной жизни, и это одно уже должно заставить нас смотреть на Петра как на великого исторического деятеля, понявшего и осуществившего действительные потребности своего времени и народа, а не как на какой-то внезапный скачок в нашей истории, ничем не связанный с предыдущим развитием народа» [7, 27].

В мае 1858 г. сходные размышления, вызванные книгой Устрялова, фиксирует на страницах знаменитого дневника близкий в это время к кругу «Современника» А. В. Никитенко: «Прочитал я вышедшие в свет три тома «Истории Петра Великого» Устрялова, доведенной до начала Северной войны, и убедился, что истории Петра Великого у нас все еще нет. Автору открыты были государственные архивы. Он собрал много материалов, сгруппировал их и привел в известный порядок, — а истории все-таки не написал. Чтобы понять Петра Великого, его реформу и необходимость ее для России, надобно было прежде всего дать полную картину положения России в конце VII столетия, а не изображать одни стрелецкие бунты, как это сделал Устрялов». Никитенко отмечал несоответствие между позитивным образом допетровской Руси, данным Устряловым в кратком вступительном очерке, и фактами неурядиц политической жизни, которые потребовали последующих реформ. «Как же согласить одно с другим? Вы ожидаете, что автор сам себе задаст этот вопрос и постарается решить его. Ничуть не бывало. Соединив эти два несовместимые положения вещей, он преспокойно отправляется в свой исторический путь и начинает стрельцами и Софиею, а читателя предоставляет собственным выводам и заключениям» [8, 68].

Это же несоответствие бросилось в глаза и Добролюбову: «Казалось, благоденствие должно было водвориться в государстве прочно и невозмутимо; в на-

роде должно было утвердиться довольство; с каждым годом все должно было улучшаться и совершенствоваться силою внутреннего, самобытного развития; не предстояло, по-видимому, ни малейшей нужды в уклонении от прежнего пути; тем менее могла представляться надобность в каких-нибудь преобразованиях. Так именно и говорят приверженцы старой Руси; так говорил Карамзин, то же заставляет думать обозрение *светлой* стороны древней Руси, сделанное г. Устряловым. Но не то говорят факты, представляемые им же в первом томе «Истории Петра» [7, 24].

Автор «Современника» приводит в статье сопоставительную таблицу, в разных столбцах которой делает выдержки из книги Устрялова, содержащие мысли, прямо противоречащие друг другу и друг друга опровергающие. «Странно было бы думать, — пишет Добролюбов, — что автор «Истории Петра» не заметил сам, прежде всех, этих противоречий. Напротив — он, по-видимому, с тем и выставлял их, чтобы показать разлад действительного хода дел в древней Руси с тем, что должно бы быть по закону. И вот здесь-то и выказывается вполне недостаточность в истории исключительно государственной точки зрения, принятой автором. По анатомическому исследованию форм государственного скелета — все, кажется, в порядке, общая система составлена стройно и строго; но в живой народной жизни оказываются такие раны, такие болезни, такой хаос, который ясно показывает, что и в самой сущности организма есть где-то повреждение, препятствующее правильности физиологических отправлений» [7, 24].

Высказанное Добролюбовым требование писать историю народа, а не историю замечательного человека и тем более не историю государства высказывается на страницах «Современника» многократно. Такой же недостаток журнал отмечает и в эскизе памятника тысячелетию Руси, представленном скульптором Микешиным, где, по мнению редакции, мы видим знаменитых лиц нашей страны, но не видим ни России, ни русского народа; этот же упрек повторяется в рецензии П. П. Пекарского на 6 том труда Устрялова, который, «не сообщил ни одного материала для разъяснения жизни народа и его судьбы при Петре Великом. Между тем за материалами этого рода не надобно ездить в Вену и другие европейские столицы, их можно найти хотя бы в полном собрании законов российской империи» [5, 79].

Такой подход отчасти сближает публицистов «Современника» позицией Н. А. Полевого, в свое время восставшего на Карамзина за «Историю государства русского». И хотя сам Добролюбов называет попытку истории Полевого неудачной, в его критике труда Устрялова, прослеживается продолжение этого диалога. При этом Добролюбов четко соотносит «Историю Петра» с карамзинской традицией: «Даже по самым внешним приемам, по расположению статей, примечаний и приложений, по манере изобра-

жения частных событий, — ни одна из исторических книг не напоминала нам так живо Карамзина, как «История Петра» г. Устрялова» [7, 14].

Общий вывод, к которому пришел Добролюбов, перечислив и проанализировав приведенные Устряловым факты и рассуждения, следующий: «Переворот, совершенный Петром, был быстр, но не был насильственным» [5, 36]. Безусловно, такая постановка вопроса задевала за живое представителей славянофильства, традиционно отмечавших не только насильственный, но волюнтарный и необоснованный характер реформ Петра, имевших, с их точки зрения трагические последствия. По выражению Ю. Ф. Самарина, Петр — «воплощенный силлогизм, вооруженный дубиной, который искалечил народный организм» [9, 67]. И. С. Аксаков по выходе первого тома обращается в письме к Ю. Ф. Самарину: «Не напишете ли Вы разбор Устрялова или — если не разбор, так «несколько слов по поводу». Во всех журналах появились разборы «Истории Петра»... Константин Сергеевич желает писать, и пусть напишет, я его в этом сильно поддерживаю, но Вы сами знаете — он может быть пристрастен к Петру и потому несправедлив; к тому же это такой вопрос, о котором можно десять статей поместить разных авторов» [9, 66]. Константин Сергеевич не исполнил своего намерения, отказался от этого и Самарин. В ответном письме он пояснил причины своего отказа: «Надобно сознаться с прискорбием, что никто из нас не в состоянии написать дельной критики на Устрялова. Ни вы, ни я, ни Константин ничего не читали о Петре или почти ничего; нет между нами специалистов, мы все мало, очень мало работаем, а только наигрываем вариации на две, три темы, как старые шарманки» [9, 67]. Необходимо отметить, что такая самокритика была скорее показателем высокой требовательности Ю. Ф. Самарина к себе и своим соратникам, нежели свидетельством недостаточности специальных знаний именно у славянофильских деятелей. При отсутствии не только системно изложенной истории петровской эпохи, но и разработанных методов исторической науки, все, чем располагали лучшие деятели журналистики этого времени — это обширный, хотя и весьма неполный круг некомментируемых «сырых» источников, системная работа с которым представляла собой титанический труд.

Статьи Добролюбова имели целью в большей степени высказать собственный взгляд на эпоху Петра (и косвенно на современный автору политический процесс), нежели дать оценку труду Устрялова. Объявляя, что намерен просто «воспользоваться материалом, собранным в труде г. Устрялова, передать читателям главнейшие результаты, добытые трудом историка», Добролюбов дает несколько иначе акцентированную интерпретацию тех же фактов, по-своему истолковывает исторические сведения, представленные историком, продолжая развивать

и разносторонне обосновывать свой тезис о естественном характере реформ Петра, который «по своему воспитанию и по коренным убеждениям принадлежал своему времени и народу... Как ни высоко стал Петр своим умом и характером над древнею Русью, но все же он вышел если не из народа, то по крайней мере из среды того самого общества, которое должен был преобразовать» [7, 36–37].

Историк уделяет значительное внимание вопросу о том, насколько значительным было влияние иностранцев, прежде всего Лефорта, на устремления царевича к преобразованиям европейского образца — критик «Современника», анализируя те же сведения, изменяет саму постановку вопроса: «Люди не могут так закалить характера человека; это дается от природы и образуется событиями. События и воспитали в Петре природную живость и энергию его натуры; события же до известной степени определили и его отношения к древней Руси, с ее предрассудками, грубостью и невежеством» [7, 51]. Среди обстоятельств, имевших принципиальное влияние на царевича, Добролюбов указывает, прежде всего, на то, что «живя вместе с матерью в Преображенском, далеко от дворских интриг», будущий император не сблизился, не сроднился с тем порядком, который веками господствовал при московском дворе, так что «уже это одно... должно было предохранить его от многих заблуждений и дурных привычек, бывших неизбежными при тогдашнем придворном воспитании» [7, 52]. Кроме того, опала матери и её приближенных, составлявших детский круг общения царевича, должна была естественно настроить его против боярства и двора, а вместе с тем и против тех национальных обычаев, которые ими олицетворялись.

Описывая юность Петра, Добролюбов совершенно не обращает внимания на формирование нравственных качеств царевича, говоря лишь о том, что его отличала живость натуры и жажда знаний, хотя и не поддерживаемая, но зато и не стесняемая матерью, эмансипированной воспитанницей Артамона Матвеева. Описывая юношеские артиллерийские потехи и фейерверки царевича, при которых бывало, гибли люди, или его первый неудачный военный поход к стенам Азова, который стоил огромных людских потерь и напрасно потраченных ресурсов, Добролюбов лишь указывает на некомпетентность и бестолковость тогдашнего окружения Петра, но не обращает внимания на то, с каким чувством сам царевич принимал эти факты. А между тем многим более поздним биографам Петра бросалось в глаза, что совершенное равнодушие, с каким царственный отрок взирал на гибель участников своих военных потех, было симптомом будущей готовности идти к государственной цели, не слишком тревожась о её цене.

Впрочем, можно предположить, что этот аспект не привлек к себе внимания Добролюбова не только потому, что несколько не укладывался в общую

канву его исторических взглядов, но и потому, что в это время неосторожные предположения о характере государя могли вызвать негативную реакцию со стороны цензуры. При издании собрания сочинений Добролюбова исследователями были выявлены многочисленные изменения, внесенные цензурой в текст первой статьи об «Истории Петра», которые, несомненно, повлияли на изменение тона двух последующих публикаций [7]. Не случайно воздерживался от оценок нравственной стороны воспитания царевича и сам Устрялов. Никитенко, критически оценивая на страницах дневника слог Устрялова, отмечал в нем «явное подражание карамзинской манере, отчего выходит старинная пухлая риторика, чистенько прибранная, но нестерпимая в наше время», и обращает внимание на сдержанность манеры изложения: «ни одной яркой характеристики, ни одного живого образа. Все гладко и плоско, не исключая самого Петра, который и в ребячестве, и в юношеском возрасте является без образа и физиономии, тогда как в приложениях множество материала, где жизнь бьет ключом» [8, 69]. Скорее всего, сдержанность манеры историка объяснялась тем, что добросовестность исследователя порой вступала в конфликт с нежеланием обострять взаимоотношения с цензурой, так что яркостью красок приходилось пожертвовать в пользу разумной осторожности.

Та же разумная осторожность, вероятно, повлияла и на нарушение хронологического порядка публикации частей «Истории Петра» — шестой том научного труда был выпущен в 1859 г., после публикации второй части четвертого тома, минуя пятый. В шестом томе рассматривались подробности дела царевича Алексея, т.е. одного из наиболее печальных эпизодов Петровского правления, могущего к тому же бросить тень не только на самого императора, но и на прародителей некоторых высокопоставленных дворянских фамилий, сыгравших неприглядную роль в этом трагическом деле. В николаевские времена публикация подобных изысканий была очевидно невозможна, а цензурный режим нового царствования пока находился в переходном положении. Устрялов поспешил опубликовать шестой том во время смятения в цензурном ведомстве, вызванного либеральными веяниями эпохи Великих реформ.

Выход в свет этого тома вызвал немедленный отклик на страницах «Современника» — во втором номере 1860 г. П. П. Пекарский отмечал, что этот том был настолько ожидаемым и активно анонсируемым, что критика его в сущности затруднена, ибо до его настоящего появления в печать все уже решили, что это замечательный труд [5]. Однако Пекарский вообще отказывается шестому тому «Истории Петра» Устрялова в том, чтобы считаться историческим сочинением, и называет его сборником исторических материалов. Главное положение критики Пекарского — даже если считать том просто сборником доку-

ментов, он, по мнению рецензента, весьма неполон, в основе изложения этого исторического сюжета лежат только официальные документы, единственный же документ частного происхождения, который приводит историк, признается им подложным. Следование официальным материалам и указанное Пекарским невнимание к материалам переписки западных дипломатов, воспоминаниям и письмам свидетелей эпохи, позволяло Устрялову избегать некоторых опасных аспектов дела, на которые решается осторожно намекнуть в рецензии Пекарский, например, вопроса о неприглядной роли в травле опального царевича Екатерины I, стремившейся закрепить линию наследования за своим потомством.

Однако и при объяснимом желании историков и публицистов воздержаться от резких оценок и ярких характеристик петровской эпохи, даже публикуемые без особенного комментария документы приводили к тому, что как указывал в упоминавшейся статье М. М. Погодин «В последнее время легло на его память много темных пятен... Еще Пушкин, начав заниматься собиранием материалов для истории Петра, говорил мне, что при ближайшем знакомстве Петр теряет, а Екатерина выигрывает». Автор же «Русского вестника» со своей стороны призывал «для произнесения приговора Петру... иметь в виду его время и твердо помнить Тацитово различие между *vitia hominis* u *vitia saeculi*; надо внимательно рассматривать обстоятельства, в каких Петр действовал» [6, 716].

В целом можно сказать, что образ Петра I на страницах «Современника» трактовался в духе общего взгляда коллектива единомышленников, составлявших редакцию журнала, на исторический процесс как на форму проявления духовной жизни народа, а не на собрание великих деяний отдельных личностей. Взгляд на прошлое человечества как на историю народов, а не историю героев, обуславливал на-

стойчивое стремление представить реформы Петра как закономерный итог движения народной жизни, а не перелом, осуществленный властью, самого же государя как типичного, хотя и выдающегося представителя национальной культуры, нашедшей в его лице выражение своих давнишних чаяний.

При этом необходимо учитывать, что диалог о деятельности Петра Великого, развернувшийся на страницах периодики, как часть журналистики оказывался неизбежно встроен в политический дискурс и испытывал влияние цензуры. Диалог этот к тому же шел параллельно с научной разработкой истории петровского времени, и эти два процесса ввиду синкретизма литературы, исторической науки и журналистики в этот период оказывали взаимное влияние друг на друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы / С. А. Венгеров. — Санкт-Петербург, 1907.
2. В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. — Москва, 1977.
3. Белинский В. Г. Собрание сочинений / В. Г. Белинский. — Москва. Том III, 1948.
4. Боград В. Э. Журнал «Современник» 1847–1866. Указатель содержания / В. Э. Боград. — Москва-Ленинград, 1959.
5. Современник. — Санкт-Петербург, 1847–1866. — № 2.
6. Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух / М. П. Погодин. — Москва. — 2011.
7. Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. / Н. А. Добролюбов. — Москва-Ленинград, 1962.
8. Никитенко А. В. Дневник / А. В. Никитенко. — Санкт-Петербург, 2005.
9. Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876). — Санкт-Петербург, 2016.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Кругликова О. С., кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории журналистики
E-mail: o.kruglikova@spbu.ru*

*St. Petersburg State University
Kruglikova O. S., Candidate of Philology, Associate Professor
of the History of Journalism Department
E-mail: o.kruglikova@spbu.ru*